

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/33/3

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В «СОБРАНИИ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ»

Ксения Алексеевна Поташова¹

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный университет просвещения»,
Москва, Россия, kseniaslovo@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены символическая метафора как механизм конструирования визуального образа в батальной поэзии 1810-х гг. и смысловая составляющая созданного образа. Выявлены источники визуальной образности батальной поэзии, коррелирующие с мировоззренческими основаниями и творческими концепциями авторов. Материалом для исследования послужили батальные образы из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». Установлено, что основной пласт метафоры «Собрания...» составляют зоморфные образы, выступающие ведущей номинацией для обозначения обобщенного образа французского неприятеля или самого Наполеона Бонапарта.

Ключевые слова: баталистика, поэтика визуального образа, метафора, апокалиптические мотивы, Г.Р. Державин, «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», древнерусская литература

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта № МК-2134.2022.2. Совет по грантам Президента Российской Федерации.

Для цитирования: Поташова К.А. Визуальная метафора как средство создания образа врага в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 44–64. doi: 10.17223/23062061/33/3

Original article

VISUAL METAPHOR AS A MEANS OF CREATING THE IMAGE OF THE ENEMY IN *THE COLLECTED VERSES RELATED TO THE UNFORGETTABLE 1812*

Ksenia A. Potashova¹

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation, kseniaslovo@yandex.ru

Abstract. The study aims to consider symbolic metaphor as a mechanism for constructing a visual image in the battle poetry of the 1810s and to clarify the actual

semantic component of the created image. To reach the aim, the author identifies the sources of battle poetry's visual imagery that correlate with worldview foundations and creative concepts, and reveals the poetic mechanisms for creating a visual image. The novelty of the study is connected with the consideration of the battle poetry of the period of the Patriotic War of 1812 in the aspect of the originality of the artistic image, with the clarification of the genesis of the visuality of verbal battles. The material for the study was the *Collected Verses Related to the Unforgettable 1812*, which attracts attention as a source for studying the poetics of the visual image in battle studies. Battle images from the *Collected Verses* are considered in comparison with the figurative system of the ancient Russian military narrative. The author shows that, in the aspect of visuality, the poetic system of the *Collected Verses* is closest to the poetics of medieval Russian literature, the works created at different times are united by a system of axiological coordinates, a strong patriotic sound. The aspiration of the poets of 1812 to medieval Russian literature is explained by the search for similar trials and a spiritual path to overcome them. The author infers that the detailed artistic pictures based on the use of the original metaphorical nomination of the key concepts for battle poetry – war, peace, Russian warrior, enemy – became the poetic tool for creating morale-raising pathos in the *Collected Verses*. The main metaphors of the *Collected Verses*, with their bright and visible forms, are zoomorphic images; they designate the generalized image of the French enemy or Napoleon Bonaparte. The author establishes that metaphor in the poetry of the Patriotic War of 1812 is the most suitable tool to make verses clear and visible for comprehending the full depth of the meaning of the unfolding events. The author concludes that the visual metaphorical images of representing the opposition of the Russian army and the enemy force developed in the *Collected Verses* have a pronounced theological nature, corresponding to the main intentions of the collection, associated with the rise of patriotic sentiments. A systematic analysis of the metaphors used to create a battle image shows that metaphorical images of the enemy and enemy actions in the battle poetry of the 1810s, built on the basis of the model of oratorical constructions from the ancient Russian military narrative, go back to the New Testament Revelation of John the Theologian, which provided the basis for the formation of a visual-symbolic formula for designating the enemy as a snake-like creature.

Keywords: battle studies, poetics of visual image, metaphor, apocalyptic motifs, G.R. Derzhavin, *Collected Verses Related to the Unforgettable 1812*, medieval Russian literature

For citation: Potashova, K.A. (2023) Visual metaphor as a means of creating the image of the enemy in the *Collected Verses Related to the Unforgettable 1812*. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 44–64. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/3

На 1810-е гг. пришелся переходный этап в развитии поэтической системы русской баталистики, характеризующийся, с одной стороны, следованием одическим принципам классицизма как эталонной системе для воспевания героической личности и воинской славы, с другой – постепенным отказом от канонов батальной оды, движением по пути творческой оригинальности.

Изменения в художественной системе батальной поэзии определяются возникшими в русском обществе идеями, вызванными историческим катаклизмом, каким воспринималась Отечественная война 1812 г., обусловившая обострение вопросов об исторической миссии России, служении Отечеству, корреляции земной жизни и следования божественным законам. Литературным памятником, который отражает всю глубину понимания человеком своего Отечества, «проясняет особенности русского образа мира» [1. С. 183], стало «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», изданное в двух томах в Москве в 1814 г. Сборник включает в себя лирические отклики маститых поэтов, среди которых Г.Р. Державин, В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков, поэтов-представителей «Беседы любителей русского слова», «Общества любителей российской словесности», а также неизвестных поэтов-любителей из среды военных, духовенства, купечества.

В последнее десятилетие «Собрание...» оказалось под пристальным взглядом литературоведов. И.А. Айзиковой сделаны обобщающие выводы о месте антологии в историко-литературном процессе, его «историко-патриотической тематике и пафосе входящих в него произведений» [2]. К.В. Анисимов обратился к вопросам атрибуции, текстологии и эдичии стихотворений [3], А. Бодрова установила составителя сборника [4]. Были решены и более частные задачи, связанные с выявлением отдельных источников стихотворений [5], установлением особенностей поэтического изображения в произведениях событий войны [6] и пути создания образа Наполеона [7]. При этом художественное своеобразие «Собрания» не получило подробного освещения, хотя ряд наблюдений заслуживают внимания и составляют методологическую базу для дальнейших обращений к сборнику. Так, И.А. Айзиковой предложено рассмотрение «поэтических текстов как единого метатекста» [3. С. 10] В.С. Киселевым определен «жанровый принцип расположения текстов» [5. С. 38], Н.Е. Никоновой подчеркнуто, что «отдельным мотивным комплексом антинаполеоновского мифа выступают анималистические образы, проистекающие главным образом из представления о звериной сущности антихриста» [7. С. 87]. Нами также были сделаны попытки анализа поэтического инструментария «Собрания» – «выявлен религиозный смысл мотива извергающегося вулкана» [8. С. 21]. И все же столь немногочисленных наблюдений над «Собранием» не хватает для формирования целостного представления о поэтике словесной баталистики 1810-х гг. Не установлены поэтические механизмы создания визуального образа, тогда как выявление источников зримости, коррелирующих с мировоззренческими основаниями, позволит определить место «Собрания» в историко-литературном процессе.

Издание, собравшее многочисленные поэтические отклики на самые значимые события Отечественной войны и заграничной кампании

Александра I, привлекает внимание как источник для изучения поэтики визуального образа в баталистике, своими корнями уходящей в древнерусскую словесность. Определяющие древнерусскую литературу аксиологические координаты характеризуют и объединенное общей идеей патриотизма «Собрание». Эти координаты заданы уже в самом названии первого же помещенного в издание «Гимна лиро-эпического на прогнание Французов из Отечества 1812 года во славу Всемогущего Бога, Великого Государя, верного народа, мудрого Вождя и храброго воинства Российского» Г.Р. Державина. В заголовке к поэтическому гимну Державин сообщает, кого будет прославлять, тем самым закладывает базисные для всего «Собрания» константы: «всемогущий Бог», «великий государь», «верный народ», «мудрый вождь», «храброе воинство российское» [9. С. 17]. Миссия «избранного» воинства видится поэту в решении «спора ада с небесами» [10. Т. 2. С. 295], защите христианской веры и Российской империи от внешнего врага.

Прежние классицистические категории «картинности» и «зрелищности» воспринимались в контексте баталистики 1810-х гг. как нечто отжившее. Например, В.А. Жуковский так говорит о М.В. Ломоносове и В.П. Петрове как об авторах батальных од: «Они были лишь панегиристами военачальников» [11. С. 297]. Классицистической ориентированности батальной оды на создание эффекта лирического восторга от описываемых событий и героических личностей теперь было недостаточно для выражения смыслового поля, включающего государственный, мировоззренческий, духовно-нравственный и этический аспекты. Рожденные под непосредственным, живым впечатлением от Отечественной войны 1812 г. поэтические отклики, помещенные в «Собрании», отличаются яркой эмоционально-экспрессивной окраской и по своей символической насыщенности, вмещающей настроения, ощущения и отношения человека к историческим событиям, близки к древнерусскому повествованию. Актуализация в памяти событий прошлого Древней Руси, времен героического отражения русским народом силы захватчиков-иноверцев, обусловлена поиском схожих испытаний и духовного идеала для их преодоления. Непосредственный опыт древнерусской истории, отмеченной многочисленными вражескими набегами, в том числе и на Московское княжество, становится источником для проведения аналогий с происходящими событиями 1812 г.:

Мамай с ордой татар, как волк на верный лов,
Зубами скрежеща, бежит из нырищ, гладный;
Но, развернув хоругвь свободы, на врагов
Димитрий с громами – и варвар кровожадный
Нашел не добычу, а вечный срам и смерть [9. С. 94].

Поэтическим инструментом создания поднимающей боевой дух патетики в «Собрании» стали развернутые художественные картины, основанные на использовании оригинальной метафорической образности. Символический язык метафоры выступает в роли своеобразного моста между историческим, визуальным и вербальным, он способен подчеркнуть значимость тех аспектов военных событий, которые при использовании иных поэтических инструментов не могли получить должного внимания. Метафорическое поле стихотворений из «Собрания» составляют ассоциативно-образные номинации ключевых для батальной поэзии понятий – война, мир, русский воин, враг. В «Гимне лиро-эпическом на прогнание Французов из Отечества...» Державин создает задающий тон всем последующим произведениям образ военного сражения, в котором на языке метафоры желает отразить преломленное в поэтическом сознании эмоциональное восприятие исторического катаклизма:

А только агнец бело-рунный,
Смиренный, кроткий, но чело-перунный,
Восстал на Севере один,
Исчез змей-исполин! [9. С. 18].

В основу описанной Державиным картины битвы положен метафорический образ, организованный по принципу перенесения на качественную характеристику человека названия животного. Участником сражения, с одной стороны, выступает агнец, с другой – стада хищников. Метафорическое представление войны как битвы агнца с хищниками несколько не уменьшает силы самого русского воина. Использование образа агнца обусловлено «особыми чертами образов овцы и пастуха, делающих их подходящими источниками метафор духовной реальности» [12. С. 102]. Оригинальным авторским неологизмом «чело-перунный» создается возвышенный образ русского воина «с челом, мечущим молнии» [13. С. 922], подчеркивается данная от Перуна, славянского покровителя воинства, героическая сила. В последующих качественных характеристиках Державин подчеркивает духовное величие и христианскую добродетель, созданный поэтом образ восходит к Откровению Иоанна Богослова («Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю. Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их») (Откр. 17: 13–14.) [14. С. 1685]). Подобная метафорическая картина битвы не раз встречается в «Собрании», например, в «Оде на случай войны с французами» М.И. Невзорова:

Не силой многой Бог спасает;
Он кротких агнцев возвышает
И тигров покоряет им [9. С. 42].

При том если первая часть метафорической оппозиции остается неизменной, то в качестве второй части могут выступать различные хищные животные, как то: крокодил, тигр, волк – главным при их выборе оказывается возможность оказывать губительные действия («Давно ль, о хищник, пожирал // Ты взором наши грады» [9. С. 47]).

Истоки подобной образности, апеллирующей к миру живой природы, обнаруживаются в древнерусской словесности. Одним из инструментов визуализации в поэтике древнерусской литературы являлась метафора, призванная выполнять изобразительную роль. Символической метафорой в древнерусских повествованиях заполнялось все зримое пространство, сформированный комплекс изобразительных мотивов усиливал сквозную мысль о защищенности Отечества Небесным Покровителем. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» описание сцены битвы является ярким примером визуального повествования о столкновении Мамаю, выступающего как «иконоборец, злый христьянский укоритель» [15. Т. 4. С. 132], с православным московским воинством во главе с князем Дмитрием Донским. Описание сражения создается посредством метафоры идейно-эстетического характера, на поле боя сталкиваются птицы (орлы, под которыми разумеются русские воины) и звери (вражеская армия), а исход сражения предопределен Божьей волей: «Орли же мнози от усть Дону слѣтошася, по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють, ждуще того дни грознаго, Богом изволенаго, въ нь же имать пасти трупа человека, таково кровопролитие, акы вода морскаа. От таковаго бо страха и грозы великыа дрѣва прекланяются и трава посьстиляется» [15. Т. 4. С. 162].

В «Собрании» события Отечественной войны 1812 г., порождающие множество «впечатлений, ощущений и чувств» [16. С. 18], приобретают поэтическую оболочку с помощью языковых композиций, основанных на уподоблении врага хищнику или чудовищу, сражения – битве между животными или птицами. Типовой визуальный образ, реализованный в двух основных инвариантах «нападения хищника – столкновения животных», становится одним из основных инструментов поэтической речи авторов из «Собрания». Метафора, будучи средством сенсорным и обладающим, как указывает П. Рикёр, «живостью, наглядностью, зримостью» [17. С. 445], представляет обширное поле для ассоциаций, усиливающих образность и точность изображаемого предмета или явления, кроме того, за счет своей наглядности метафоры способствуют их глубокому зрительному восприятию и визуальному наблюдению. Звери и птицы в древнерусской литературе выступают как в роли непосредственных участников событий, несут зловещие предзнаменования («вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть» [15. Т. 2. С. 374]), так и в

метафорическом значении, основанном не на отрицательном модусе, а на качественном сравнении силы воина с силой хищника («сами скачють, акы сѣрыи вльци въ полѣ» [15. Т. 2. С. 372]). В.П. Адрианова-Перетц отмечает: «В средневековой русской литературе, как и в русском фольклоре, метафора-символ опирается чаще всего на уподобление человека и его переживаний светилам небесным, стихиям природы, миру животному и растительному» [18. С. 45]. Эту специфику метафоры, связанную с условно-символическим планом, перенимают поэты для зримого представления событий Отечественной войны 1812 г. Именно эмоционально-ассоциативный план оказывается особо значимым для понимания заложенной в «Собрании» и наделенной поэтической оболочкой идеи нахождения «русского мира в ситуации всенародной войны за освобождение Отечества» [2. С. 34].

Наиболее частым поэтическим инструментом для создания врага в «Собрании» выступает метафорический образ змееподобного существа, под ним понимается обобщенный образ неприятеля («Текут от запада злодеи разъяренны, // Как змеи ядом упоены» [9. С. 265]) или же весьма конкретный – поэтическое изображение Наполеона Бонапарта («Где змий француз Наполеон» [9. С. 106]). К змееподобным существам, метафорично представляющим напавших на Россию французов, относятся змии (упомянуты 46 раз), драконы (17 раз), змеи (16 раз), гидры (12 раз), аспиды (2 раза), василиски (1 раз). Наряду с исконно русской номинацией «змей» («Твой мир есть отдых змея!» [9. С. 113]) в стихотворениях из сборника встречается и лексема «дракон» («дракон, иль демон змиевидный» [9. С. 17], «там медные лежат драконы» [9. С. 24], «я вижу страшного дракона» [9. С. 37]), этимологическое значение которой восходит к латинскому слову *draco* – «змей, змея» [19. С. 266], только с конца XVIII в. эта лексема входит в активное словоупотребление. В ряду номинаций змееподобных существ ведущими оказываются библейские символы. Пресмыкающиеся животные в Библии служат символами злобы и злости («Змии, порождения ехиднины!» (Мф. XXIII: 33) [14. С. 1385]), жестокости и беспощадности («Впоследствии, как змий, оно укусит, и ужалит» (Притч. XXIII: 32) [14. С. 843]), кровожадности и безжалостности («Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Быт. 49: 17) [14. С. 97]). Подобные эмоциональные ассоциации перенимаются поэтами для создания ярких батальных картин, змееборческий мотив в «Собрании» напрямую связан с идеями государственности. При этом каждому из этих визуальных символов сопутствуют дополнительные коннотативные значения: «змей», являясь сосредоточением враждебности и захватничества, выступает ведущей номинацией для обозначения обобщенного образа

французского неприятеля, «змий» же имеет более конкретную, персонафицированную семантику, под ним подразумевается образ посягнувшего на устройство всего мироздания Наполеона Бонапарта, воплощающего собой разрушительное начало. Разнится и генезис двух этих образов. Если змей – фольклорный «представитель злого начала» [20. С. 220], то образ змия восходит к Библии и древнерусской литературе.

Ф.Н. Глинка в своей «Солдатской песне», посвященной Смоленскому сражению, обобщенно называет врагов «злыми зверьми», далее представляет картину наступления разящей французской армии:

Враг строптивый мечет громы,
Храмов Божьих не щадит;
Топчет нивы, палит дома,
Змеем лютым в Русь летит! [9. С. 411].

Уже в самом названии стихотворения – поэтом в заглавие вынесено обозначение протяжного жанра фольклора – задается стилизация под народную песенную традицию. Образ змея как олицетворение чудовищной сверхчеловеческой силы, приносящей несчастье, в данном поэтическом контексте восходит к русскому былинному и сказочному эпосу. В фольклоре устрашающий своим видом змей ассоциировался с вероломным нашествием иноземцев, со сбором дани, с бедствиями на родной земле: «В старые годы стояла одна деревушка, повадился в ту деревушку змей летать, людей пожирать» («Змей и цыган») [21. С. 264–265], «Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее» («Никита Кожемяка») [21. С. 263], «Коли прилетит змей о трех головах – дай ему три коровы, коли о шести головах – дай шесть коров, а коли о двенадцати головах – то отсчитывай двенадцать коров» («Хрустальная гора») [21. С. 314], «Они пошли в такие места – в змеиные края, где выезжают из Черного моря три змея шести-, девяти- и двенадцатиглавые» («Буря-богатырь Иван коровий сын») [21. С. 218]. Значение змея в русском эпосе точно обозначил В.Ф. Миллер: «Под змеем Горынычем и вообще змеиным отродьем чувствуется какая-то сила “поганая” в религиозном смысле, неверная, враждебная христианам» [22. С. 35]. Характерным для поэтики фольклора является отсутствие целостного портрета змея – известно только то, что он, будучи чудовищем, может обладать несколькими головами, его хищная природа подчеркивается тем, что он пожирает людей, а стремительность наступления – способностью летать. Эти ассоциации накладываются на поэтический образ врага в «Собрании» – многоголовый змей выступает символом устрашающей силы, от которой «девы, старцы вопиют» [9. С. 411].

Ф. Уилрайт подчеркивает, что метафора есть результат деятельности воображения, «качественное семантическое преобразование», построенное на «усилении чувства реальности» [23. С. 82–83]. Именно поэтому буквальный язык заменяется символическим языком метафоры, базирующимся на «сходных аспектах жизни, к которым говорящий хочет привлечь внимание» [23. С. 84]. И Отечественная война 1812 г., и военные набеги в древнерусской истории связаны со стихией огня. В описаниях разорения древней Москвы в «Повести о приходе Тохтамыша-царя, и о пленении, и о взятии Москвы» вражеской силе сопутствует огонь: «И бысть оттолѣ огонь, а отселѣ мечь: овии, огня бѣжаща, мечем умроша, а друзии – меча бѣжаще, въ огни сгорѣша» [15. Т. 4. С. 200]; «И видѣша градъ взят, и плѣнень, и огнемъ пожжень, и святыя церкви разорены, а людей побитыхъ трупиа мертвыхъ без числа лежаще» [15. Т. 4. С. 204]. Огненная стихия не раз подчеркивается и в воспоминаниях очевидцев Москвы 1812 года: «Из-за церкви горит огненный сноп на небе» [24. С. 11]; «как вошел Наполеон в Москву, начались пожары» [24. С. 83]; «очень разгулялся огонь, все он растет да растет; и разлился он что море» [24. С. 11]. Визуальная природа метафоры, основу которой составляет ассоциативное восприятие действительности, объясняет представленные в «Собрании» многочисленные картины нашествия дракона, сеющего «огненный дождь» [9. С. 23], являющего «огненну громаду» [9. С. 66], разливающего «огненных <...> море волн» [9. С. 297]. Метафорический образ огненного змея, связанный с захватническими войнами, с борьбой христиан с иноверцами, восходит еще к народно-поэтическим описаниям вражьей силы, с которой сталкивается Егорий Храбрый (Георгий Победоносец). В народных духовных стихах огненный змей, с которым борется Егорий, воплощает собой «устрашающую атмосферу чужеродного мира, враждебного человеку, несущего ему мучения и смерть» [25. С. 57]. Причем в фольклорной интерпретации сюжетов о Георгии Победоносце, поражающем змия («Бысть убо змий великъ во езере том, и, исходя отъ езера онога, людей града того изыдаше. Инѣхъ же свистаниемъ уморяше, другихъ же удавляя восхищаше въ езеро. И бяше скорбь велика и плачь неутѣшимъ во градѣ томъ звѣря онога ради» [15. Т. 3. С. 521]), наблюдается смешение образов – представления о змие накладываются на сказочный образ огнедышащего Змея-Горыныча, что связано с желанием придать образу более устрашающий вид. Если в древнерусском повествовании «Чудо со змием, бывшее со святым великомучеником Георгием» змий не использует огонь в качестве оружия, то в духовном стихе о Егории змей наделяется элементами портрета, уподобляющего его огненной стихии:

Наезжал Егорей на змея люта, вогненна.
Изо рта яво огонь, полымя,
Из ушей яво столбом дым идеть –
Ни пройти Егорью, ни проехати [26. С. 19].

Огненная природа змея в духовном стихе акцентируется несколько раз. Однократного названия змея огненным («вогненна») оказывается недостаточно, далее его образ конкретизируется, огонь пышет изо рта и ушей. Уподобление змея огню метафорично представляет атмосферу иного, чуждого мира, выступающего враждебным по отношению к человеку, приносящим мучение и смерть. В «Собрании» образ огнедышащего змея или дракона, разящего все вокруг, используется в качестве символической оболочки для изображения разрушительной силы, наступление вражеской армии являет собой стихию, сосредоточенную в метафорическом образе огня. Так, В.В. Измайлов в поэтическом обращении «К московским стихотворцам на день 2-го сентября 1812 года» представляет неприятеля в образах чудовищной «гидры стоглавой», раскрывающей свой огромный зев, и кровожадного дракона, истребляющего все на своем пути:

С пристани гонит дракон кровожадный
Нас, песнопевцев, и с мудрыми вдруг
Все на полете разит беспощадный –
До царства наук [9. С. 283].

В метафорических уподоблениях врага змею и дракону поэты создают подчеркнуто обобщенный образ лютого зверя, отсюда и его представления как о существе многоголовом или в разы превышающим обычный человеческий рост, обладающим исполинской силой. Метафорическим представлением Наполеона становится не змей, а змий, который мог шипеть и ползать подобно змее и реже мог быть наделен возможностью летать и порождать пламя как фольклорный образ Змея-Горыныча. Так, Державин уподобляет Наполеона змию ползающему («Шипит, крутит хребет, хвост в кольца вьет – // И сколько змий сей ни ужасен // Но поползок его тем паче страшен» [9. С. 24]), тогда как С.А. Ширинский-Шихматов в своем отклике «На кончину генерал-фельдмаршала князя Смоленского» с заметным эмоциональным накалом сравнивает вихрь исторических потрясений с чудовищной силой Наполеона, представленного в образе огнедышащего змееподобного существа: «Страшен, как буря, бросил перуны // В челюсти змия пламенны, дымны, // Алчно разверсты Север пожрать» [9. С. 345].

Разграничение змееподобных существ – змея и змия – принципиально важно. Змей – это «существо огневое» [27. С. 216], поборник, поглотитель и разрушитель. Змии, гидры, василиски и аспиды – «это ядовитые змеи,

упоминаемые в Библии» [28. С. 212], они разрушают устои миропорядка. Частотность употреблений змия объясняется глубоко символической природой, восходящей к библейскому значению, – такое обличье принимает злой дух, враг рода человеческого. Примечательно, что в используемой до начала XIX в. Елизаветинской Библии на церковнославянском языке употреблялась только лексема «змиѣ», именование «дракон» отсутствовало: «Михаилъ и Ангели его брань сотвориша со змиѣмъ, и змиѣ брася и аггели его, и не возмогоша, и мѣста не обрѣтесе имъ ктому на небеси. И вложенъ бысть змиѣ великій, змиѣ древній, нарицаемый діаволь и сатана, лъстѣя вселенную всю, и вложенъ бысть на землю, и аггели его съ нимъ низвержени быша» [29. Стб. 454]. В синодальном переводе Нового Завета, выполненного впервые в 1822 г., церковнославянскому наименованию змееподобного существа, искушающего человека, уже соответствуют два обозначения, находящихся в синонимических отношениях – змиѣ и драконъ: «И низверженьъ большой драконъ, древній змиѣ, который называется діаволь и сатана, обольстителъ всей вселенной» [30. С. 795]. С этим же коннотативным значением связано именование Наполеона драконом в «Оде на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П.В. Голенищева-Кутузова:

Я вижу страшного дракона,
Палящего в огнистой мгле;
На нем железная корона,
Смерть, ужас носит на челе [9. С. 37].

Автор персонифицирует настигшего Россию дракона, изображает его с железной лангобардской короной, которой Наполеон был в 1805 г. возведен на престол Итальянского королевства. При этом использованная формула «я вижу» здесь не подразумевает конструирование реальности, готовой модели для создания поэтической картины, но предполагает умственный, провидческий взгляд в восприятии окружающего.

Древнерусской литературе образ змия был известен еще с XI в. и, как указывает Н.В. Трофимова, «эта метафора отнесена к людям лукавым, неправедным, замышляющим ложь в сердце своем, что вполне соответствует образу татарского хана» [31. С. 112]. В «Изборнике» 1073 г. такие существа именуются ехиднами («А якоже то есть истина, учять ны доброе житѣ прѣпроводивъшии и отъ такихъ никогоже не врѣдивъшесе, акы Даниль отъ львовъ и Павль отъ ехиднь» [15. Т. 1. С. 190]) и змиями («Слово бо акы змии есть, на диавола же иноречнь змьемъ нарицаема разумѣваемъ» [15. Т. 1. С. 192]). Искони змиѣ – постоянный антагонист, победа над которым обладает символическим значением, заложенным

еще в битве Георгия Победоносца, являющегося покровителем христианского воинства, со змием: «И абие силою Божию и великого мученика и страстотерпца Христова Георгия паде под колѣнными ногъ его страшный онъ змий» [15. Т. 3. С. 524].

Вс.Ф. Миллер объясняет, что подвиг змееборца «носит не только национальный, но как бы религиозный характер: былевой герой <...> освобождает христиан» [22. С. 42]. Герой-змееборец, изображаемый и в дальнейших воинских повествованиях, побеждая дракона, утверждает торжество православия над иноверцами, пришедшими на Русь. Так, в «Летописной повести о Куликовской битве» Мамай, покоряющего русские земли, князь Дмитрий Донской сравнивает со змием: «Сий же, Господи, приходяще, аки змий к гнѣзду окаанный Мамай, нечистый сыроядецъ, на христианство дрѣзнулъ и кровь мою хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святыя церкви Божия разорити» [15. Т. 3. С. 120]. Змии как «русския земли губители» появляются и в «Казанской истории»: «Преже мѣсто то было издавна гнѣздо змиево, всѣм жителем земли тоя знаемо. Живяху же ту, въ гнездѣ, всякия змии и единъ змий, великъ и страшень, о двою главахъ: едину главу змиеву, а другую волову. И единою главою челоуѣки пожираше и звѣри и скоты, а другою главою траву ядыше» [15. Т. 6. С. 324]. Представления о змии в древнерусской литературе объединяются в образ врага нечестивого, нападающего на христиан, результатом нападения оказываются страшные разрушения: «И видѣти его нѣчего, развѣ токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупиа мертвых многа лежаща, и святыя церкви стояще аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши» [15. Т. 4. С. 200]. Сама картина разрушения Москвы от Тохтамыша открывается отрицанием возможности видеть – отсутствует то, на что можно смотреть, остались только «осиротевшие» и «овдовевшие» храмы, которые, чтобы быть основой мироздания, нуждаются в человеке. Подобный образ русской земли, поруганной звериной вражеской силой, получает развитие в баталистике начала XIX в. Д.П. Глебов, непосредственный участник Отечественной войны 1812 г., в стихотворении «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» зримо представляет нашествие Наполеона на Москву:

Как змий, по стогнам враг извился,
Повсюду яд его излился,
И смрад разнесся по следам!..
Земля и небо вдруг пылали,
И огонь и меч в дыму сверкали,
Все рушилось... и дом и храм! [9. С. 118].

В развернутой метафоре образ врага, сотрясшего небо и землю, приобретает вселенский масштаб, представляется «явлением христианской метафизики» [8. С. 24], неслучайно автор акцентирует разрушительную силу этой стихии – уничтожен сам образ мира человека («и дом и храм»). Городское пространство изображается в ярко выраженном апокалиптическом свете. Представленные во всем «Собрании» ораторские конструкции представляют землю, охваченную огнем («Мещет из меди молний пожары; // Тьмы сопостатов землю грызут» [9. С. 346]), следствием чего становятся обращенные в пепел дома и храмы («Святые храмы, грады, селы // Разграбил, в пепел превратил» [9. С. 62]; «Под пеплом в дыме зрю Москву» [9. С. 17]). Визуальное акцентирование отсутствия дома и храма семантически связано с разрушением модели мироздания, нарушением гармонии бытия человека. Державин, обладающий особой эсхатологической восприимчивостью, в «Гимне лиро-эпическом на прогнание Французов», явившимся «первой поэтической историей войны между Россией и Францией» [32. С. 168], сопрягает силу всеразрушающего исторического вихря с картинами новозаветного Апокалипсиса. Поэтическую апокалиптику Державина составляет образ изшедшего «из бездн» Антихриста – зверя («Дракон, иль демон змиевидный» [9. С. 17]), в образе которого предстает Наполеон и его действия, нарушающие ось вселенной:

Холмят дыханьем понт,
Льют ночь на горизонт,
И движут ось вся вселенны.
Беруть все смертные смятенны [9. С. 18].

Метафорический образ змия занимает в творчестве поэта особое место, к этой метафоре как средству символического и иллюстративно-дидактического характера Державин обращается в своих произведениях религиозно-этического характера. Поэта занимают размышления о бытии человека, полнота которого возможна только «в созерцании Божества» [33. С. 96]. Человека, противящегося сопричастности к Богу, подверженного искушению, Державин изображает обреченным на вечные муки: «Такая жизнь – не жизнь, – но яд: // Змея в груди, геенна, ад // Живого жрет» [10. Т. 1. С. 72]. Аналогичный смысл выражают и другие оценочные суждения: «И черный змий то сердце гложет, // В ком зависть, злость и лесть живет» [10. Т. 1. С. 370]; «Как змий, он ползая шипит; // Душа, коварством напoенна» [10. Т. 1. С. 371]. В контексте политических событий образ змия-искусителя в поэтических размышлениях о самообольщении человека, его псевдобогоравности появился у Державина еще до наполеоновского нашествия. В оде «На Мальтийский орден» (1798) поэт, осмысляя

произошедшую Французскую революцию, создает аллегорическую картину порождения безверия, представленного в образе гидры:

Безверья гидра проявилась
Родил ее, взлелеял Галл;
В груди его, в душе вселилась,
И весь чудовищем он стал! [10. Т. 2. С. 216].

«Безверья гидр<u>»» поэт видит причиной «известного явления французской революции» [10. Т. 2. С. 216], соглашаясь в этом с позицией Императора Павла, который в рескрипте Ф.Ф. Ушакову так охарактеризовал французов: «...буйный народ, истребивший в пределах своих веру и Богом установленные законы» [10. Т. 2. С. 216]. Апогеем идеи самообольщения становится приведший свое войско Наполеон: «Открылась тайн священных дверь! // Исшел из бездн огромный зверь» [9. С. 17]. Его приход представлен Державиным как истинное бедствие сродни бедам после трубных голосов ангелов: «Его летящи легионы // Затмили свет...» [9. С. 19]; «Кровавы вслед моря струились // И заревы по небу рдидись...» [9. С. 19]. Державин, объясняя проведенные аналогии между нашествием Наполеона на Москву и приходом Антихриста, подчеркивает отсутствие у французов определенных представлений о христианстве: «Разврат, соблазн, нечестие и само безбожие Французского народа, не упоминая о бывших в последнюю революцию, видны в Истории самых давних веков Христианства» [9. С. 35]. Религиозный скептицизм Наполеона, подчеркивающийся его современниками (как то указывает Ж. де Сталь: «Неоднократно в присутствии множества людей он признавался в абсолютном отсутствии у него религиозных чувств» [34. С. 55]), обусловил появление у Державина символического образа, представляющего императора как «таинственных чисел зверя» [9. С. 25], и объяснение победы над ним как «предначертание в последней книге Священного Писания» [35. С. 103].

При столь развитой символической метафоре, представляющей врага в образе змееподобного существа, собственно змееборческий мотив не получает в «Собрании» дальнейшего развития в сценах поражения. Развернутых описаний битвы с французами поэты не создают, они заменены торжеством русского воинства. Победа над врагом в символической оправе выражается в низвержении змееподобного существа: «В ад сверглись громом с Князем бездны, // Которым трепетал свод звездный» [9. С. 18]; «Мгновенно молнии ударом // Химеру, суцу в гневе яром, // С небес свергает в дно морей» [9. С. 382]; «Галлы низверглись тысящами, тьмами: // Тако, пред вихрем зыблясь, дубравы // С шумом и треском падают в дол!» [9. С. 345]; «Все жалы змий притуплены, // Дракон

повержен, связан, скован» [9. С. 383]. Такая визуально-символическая оболочка представления вражеского поражения весьма традиционна для русского эпоса. В связи со змееборческим мотивом В.Я. Пропп указывает: «Мы ожидаем, что бой, как кульминационный пункт всей сказки, будет описан с подъемом, с деталями, подчеркивающими силу и удале героя. Но это не в стиле русской сказки» [27. С. 221]. Отсутствуют развернутые описания кровопролитий и в древнерусском повествовании, в котором наиболее точно передана сама природа русского воина. Богоносное русское воинство не творит бесчинств, не преследует цель уничтожения врага, главная его миссия видится в защите земли Русской. В этой связи древнерусский книжник подчеркивает милостивое отношение русского воина к врагу: «О Бозѣ укрьпився и удари на нихъ, и тако милостию Божию овых уби, а иных живых поима, а инии побѣгоша, и прибѣжаша к царю, и повѣдаша ему бывшее. Он же с того попудися и оттолѣ начать помалу поступати от града» [15. Т. 4. С. 204]. Такое понимание войны обуславливает отсутствие описаний кровопролитий как в древнерусской воинской повести, так и в «Собрании».

Важно отметить и то, что змей, змий, дракон не являются собственно физически осязаемыми врагами, а выступают принятой дьяволом внешней оболочкой. И.А. Киселева пишет: «...дьявол принимает облик змея, но именно облик, тогда как сам по себе змей находится вне каких-либо этических координат» [36. С. 80]. Испытание дьявольской силой не допускается без ведения Господа, ограничивающего искусительную силу до того, сколь может ее испытать человек. Святитель Григорий Богослов писал: «Зло не имѣть ни особой сущности, ни царства. <...> Оно есть наше дѣло и дѣло лукаваго, и произошло въ насъ отъ нашего нераденія, а не отъ Творца» [37. С. 573]. Соотнося вражеские вторжения с приходом Антихриста на русскую землю, человек задавался вопросом о духовных причинах наступления исторического катаклизма. Для православного сознания защита земли от врага неотделима от идеи спасения души, отсюда причины происходящего человек стремится найти внутри себя, обратить умные очи на Небо. В древнерусской «Повести о нашествии Едигея» приход на «православный людъ» кровожадных зверей, подстрекаемых «отцомъ ихъ Сатаной», объясняется как путь к смирению: «За умножение бо грѣх наших смирил ны Господь Богъ предъ врагы нашими. <...> Тако бо, наказая нас, Господь низложи гордыню нашу» [15. Т. 4. С. 252]. К смирению призывает современников и архиепископ Августин (Виноградский) в «Воззвании к жителям Москвы», произнесенном в 1812 г.: «Въ гromaхъ гнева Божія возчувствуйте оживляющіе нас лучи чудесныя благодати Его. Во смиреніи души съ сыновнею любовію обლობыжайте отечественную руку Его» [38. С. 57]. В «Собрании» поэты видели причину происходящего в

обрушившемся гнев Божьем на русскую землю: «Как Божий гнев, шел грозно за врагами! // Со всех сторон дымились небеса!» («Князю Смоленскому» [9. С. 84]); «О зрелище, достойно слез! // Се казнь разгневанных Небес!» («Ода на новый 1813-й год» [9. С. 97]); «И се во гнев Божий и в милостях богатый, // Россиян поража, простер к ним щедрю длань» («На разрушение Москвы» [9. С. 112]). М.В. Яковлев, выявляя особенности восприятия наступления Антихриста в православии, подчеркивает: «Апокалипсис переживался русской религиозной душой <...> как откровение о Божьей земле, Божьей человеческом Единстве, Всеединстве, основанном на вере в Спасителя и осознании Сущности Бога как Любви» [39. С. 7]. По милости Божьей обрушившаяся стихия была понята как вразумление к возвращению к истине и правде, дьявольские силы повержены и одержана победа: «Не кровь ли ваша возопила, // На милость Бога преклонила, // И Он спасенье нам послал?» [9. С. 186]. При этом апокалипсический мотив сменяется «мотивом райского мира» [40. С. 120], восставшая от разорений и торжествующая Русская земля зримо представляется в традиции древнерусской словесности с ее растительными метафорами: «Сады и нивы плод дадут, // Моря чрез горы длань прострут, // Ключи с ключами сожурчатся, // По рощам песни отгласятся» [9. С. 32–33].

М. Мюллер, говоря о силе метафоры, заключил: «Человек независимо от его желания был вынужден говорить метафорически, и вовсе не потому, что не мог обуздать своей поэтической фантазии, а скорее потому что должен был напрячь ее до крайней степени, чтобы найти выражение для всех возрастающих потребностей своего духа» [41. С. 443]. Именно метафора в поэзии периода Отечественной войны 1812 г. стала наиболее подходящим инструментом для внесения в поэтическую речь баталистики ясно-наглядности, необходимой для постижения всей глубины смысла разворачивающихся событий истории. Выработанные в «Собрании» визуальные метафорические образы представления ключевой для батальной поэзии оппозиции русского воинства и вражеской силы имеют ярко выраженную теологическую природу, отвечающую основным интенциям сборника, связанным с подъемом патриотических настроений. Основной пласт метафорики «Собрания», характеризующийся яркостью и зримостью формы, составляют зооморфные образы, выступающие ведущей номинацией для обозначения обобщенного образа французского неприятеля или самого Наполеона Бонапарта. Построенные с опорой на модель ораторских конструкций из древнерусского воинского повествования, метафорические образы врага и вражеских действий в баталистике 1810-х гг. восходят к новозаветному Откровению Иоанна Богослова, давшему основу для образования визуально-символической формулы обозначения неприятеля как змееподобного существа. Апеллирование поэтов к системе художественных образов, являющихся частью православной

культуры, связано с поиском истинных причин наступившего России бедствия, обращением к духовной сфере бытия, осознанием ценности человека в смиренном приятии воли Божьей.

Список источников

1. Киселева И.А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. С. 182–187.
2. Айзикова И.А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 31–41.
3. Анисимов К.В. Проблемы научного издания памятников «массовой» словесности XIX века («Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году») // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 23–35.
4. Бодрова А. Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? // Новое литературное обозрение. 2012. № 6(118). С. 158–167.
5. Киселев В.С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1(1). С. 35–51.
6. Айзикова И.А. Дунайская армия и Отечественная война 1812 г. в интерпретации авторов «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814): исторические факты и социальная мифология // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 3 (3). С. 8–25.
7. Никонова Н.Е. Образы Наполеона в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (в рамках проекта по переизданию антологии) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2 (2). С. 78–90.
8. Поташова К.А. Образ пылающего вулкана в сознании очевидцев пожара Москвы 1812 года // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15, № 3. С. 21–34.
9. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: Юбилейное издание. М. : Языки славянской культуры, 2015. 640 с.
10. Державин Г.Р. Сочинения : в 9 т. / под ред. Я.К. Грота. СПб. : Императорская Академия наук, 1864–1871.
11. Жуковский В.А. Конспект по истории русской литературы // Труды отдела новой русской литературы Института русской литературы» (Пушкинский дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 295–312.
12. Кондратьева О.Н. Метафорика религиозного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 10 (365). С. 101–106.
13. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. академ. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000.
14. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. М. : Российское библейское общество, 2010. 1690 с.
15. Библиотека литературы Древней Руси : в 19 т. / под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997.
16. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 5–33.
17. Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры : сб. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 435–456.
18. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М. ; Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 188 с.

19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. М. : Русский язык; Медиа, 2007.
20. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Сов. энцикл., 1991. 736 с.
21. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т. Т. 1. М. : Наука, 1984–1985.
22. Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М. : Тип. т-ва Кушнерев и К^о: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1892. 232 с.
23. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры : сб. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 82–110.
24. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе, собранные Т. Тольчевой (Е.В. Новосильевой). М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 115 с.
25. Петров А.М. Сюжетные функции огненной стихии в русской народно-православной культуре // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 48–64.
26. Якушкин П.И. Собрание песен П.В. Киреевского. Записи 1847 г. Сказки. Поговорки. Комедия. М. : РГБ, 2012. 258 с.
27. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 370 с.
28. Кириллин В.М. «Арголаи» и «лѣнии лѣви» Александра Македонского: о трудностях перевода на русский язык славянского жития пророка Иеремии // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 3. С. 200–235.
29. Библия, сиречь книги Священного Писания, Ветхого и Нового Завета : в 4 т. Т. IV. СПб. : Синодальная типография, 1751.
30. Одиннадцать посланий апостольских и откровение святого Иоанна Богослова. На славянском и русском наречии. СПб. : В тип. Ник. Греча, 1822. С. 645–820.
31. Трофимова Н.В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М. : Моск. гос. ун-т, 2017. 276 с.
32. Гузаиров Т. Становление поэтического канона официальной истории: «неприятные» события в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 168–177.
33. Киселева И.А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 4. С. 91–106.
34. Сталь Ж. Десять лет в изгнании. СПб. : Изд-во Сергея Ходова, 2017. 471 с.
35. Кошелев В.А. Гимн «на прогнание», или «Апокалипсис преложить» (о поэтике позднего Г.Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 89–106.
36. Киселева И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. 2-е изд., испр. и доп. М. : Моск. гос. обл. ун-, 2017. 178 с.
37. Григорий Богослов. Слово 40. На Святое Крещение // Творения иже во святыхъ отца нашего Григорія Богослова, Архієпископа Константинопольскаго : в 2 т. СПб. : Издательство П.П. Сойкина, 1912. Т. 1. С. 544–575.
38. Августин (Виноградский). Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского. СПб. : Кораблев и Сиряков, 1856. 239 с.
39. Яковлев М.В. Апокалиптическое направление в русской поэзии первой половины XX века. Орехово-Зуево : Гос. гуманист.-технол. ун-т, 2021. 300 с.
40. Киселева И.А. «Пророк» (1826) А.С. Пушкина и «Пророк» (1841) М.Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 111–129.
41. Müller M. Das Denken im Lichte der Sprache. Leipzig, 1888. 635 p.

References

1. Kiseleva, I.A. (2012) Rol' sobytiy voyny 1812 goda v formirovaniy imperskikh nastroyeniy russkogo obshchestva pervoy treti XIX veka: k voprosu o patriotizme Lermontova [The role of the War of 1812 in the formation of imperial sentiments of Russian society in the first third of the 19th century: On Lermontov's patriotism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 4. pp. 182–187.
2. Ayzikova, I.A. (2013) Historical-literary significance of “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812”. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 31–41. (In Russian).
3. Anisimov, K.V. (2017) Problemy nauchnogo izdaniya pamyatnikov “massovoy” slovesnosti XIX veka (“Sobranie stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu”) [Problems of academic publication of “mass” literature in the 19th century (“The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812”)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 23–35.
4. Bodrova, A. (2012) Kto zhe byl sostavitel'ny “Sobraniya stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu”? [Who compiled “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812”?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(118). pp. 158–167.
5. Kiselev, V.S. (2012) Ideologicheskii kontekst “Sobraniya stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” (stat'ya pervaya) [Ideological context of “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812” (Article One)]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1(1). pp. 35–51.
6. Aizikova, I.A. (2015) Dunayskaya armiya i Otechestvennaya voyna 1812 g. v interpretatsii avtorov “Sobraniya stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” (M., 1814): istoricheskie fakty i sotsial'naya mifologiya [The Danube Army and the Patriotic War of 1812 in the interpretation of the authors of “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812” (Moscow, 1814): Historical facts and social mythology]. *Biblioteka zhurnalnaya Rusin*. 3(3). pp. 8–25.
7. Nikonova, N.E. (2012) Obrazy Napoleona v “Sobranii stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” (v ramkakh proekta po pereizdaniyu antologii) [Images of Napoleon in “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812” (as part of the anthology reprint project)]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 2(2). pp. 78–90.
8. Potashova, K.A. (2017) The blazing volcano in the witnesses' minds of the fire of Moscow in 1812. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 15(3). pp. 21–34. (In Russian).
9. Aizikova, I.A. (ed.) (2015) *Sobranie stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu: Yubileynoe izdanie* [The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Derzhavin, G.R. (1864–1871) *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 vols]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
11. Zhukovskiy, V.A. (1948) Konspekt po istorii russkoy literatury [Abstract on the history of Russian literature]. In: *Trudy otdela novoy russkoy literatury Instituta russkoy literatury* [Proceedings of the Department of New Russian Literature of the Institute of Russian Literature]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. pp. 295–312.
12. Kondratieva, O.N. (2015) Metaforika religioznogo diskursa [Metaphors of religious discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10(365). pp. 101–106.
13. Vinogradov, V.V. (ed.) (2000) *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 volumes]. Moscow: Azbukovnik.

14. *The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*. Synodal translation. Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo.

15. Likhachev, D.S. et al. (1997) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The library of Old Rus' literature]. St. Petersburg: Nauka.

16. Arutyunova, N.D. (1990) *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–33.

17. Ricoeur, P. (1990) *Zhivaya metafora* [The living metaphor]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 435–456.

18. Adrianova-Peretts, V.P. (1947) *Ocherki poeticheskogo stilya drevney Rusi* [Essays on the poetic style of Old Rus]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

19. Chernykh, P.Ya. (2007) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [A Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk, Media.

20. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1991) *Mifologicheskii slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.

21. Afanasiev, A.N. (ed.) (1984–1985) *Narodnye russkie skazki* [Russian Folk Tales]. Moscow: Nauka.

22. Miller, V.F. (1892) *Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa* [Excursions into the area of Russian folk epic]. Moscow: Kushnerev i K°.

23. Wheelwright, F. (1990) *Metafora i real'nost'* [Metaphor and reality]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 82–110.

24. Tolycheva, T. (Novosiltseva, E.V.) (1912) *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Eyewitness accounts of the twelfth year]. Moscow: G. Lissner i D. Sobko.

25. Petrov, A.M. (2019) *Syuzhetnye funktsii ognennoy stikhii v russkoy narodno-pravoslavnoy kul'ture* [Plot functions of the fire element in Russian folk-Orthodox culture]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 51. pp. 48–64.

26. Yakushkin, P.I. (2012) *Sobranie pesen P.V. Kireevskogo. Zapisi 1847 g. Skazki. Poslovitsy. Komediya* [Collected songs by P.V. Kireevsky. Records from 1847. Fairy tales. Proverbs. Comedy]. Moscow: RGB.

27. Propp, V.Ya. (1986) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of fairy tales]. Leningrad: Leningrad State University.

28. Kirillin, V.M. (2020) “Argolai” i “Ibnii Iŕvi” Aleksandra Makedonskogo: o trudnostyakh perevoda na russkiy yazyk slavyanskogo zhitiya proroka Ieremii [“Argolai” and “Ibnii Iŕvi” of Alexander the Great: about the difficulties of translating the Slavic life of the prophet Jeremiah into Russian]. *Studia Litterarum*. 5(3). pp. 200–235.

29. Anon. (1751) *The Bible, that is, the books of the Holy Scriptures, the Old and New Testaments*. In 4 vols. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya. (In Russian).

30. Anon. (1822) *Odinnadtsat' poslaniiy apostol'skikh i otkrovenie svyatogo Ioanna Bogoslova. Na slavyanskom i russkom narechii* [Eleven Apostolic Epistles and the revelation of St. John the Theologian. In Slavic and Russian dialects]. St. Petersburg: V tipografii Nik. Grecha.

31. Trofimova, N.V. (2017) *Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniya* [Poetics of old Russian military narrative]. Moscow: Moscow Pedagogical State University.

32. Guzairov, T. (2012) *Stanovlenie poeticheskogo kanona ofitsial'noy istorii: “nepamyatnye” sobytiya v “Sobranii stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu”* [The

formation of the poetic canon of official history: “unmemorable” events in “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812”. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(118). pp. 168–177.

33. Kiseleva, I.A. (2019) O smyslovoy tsel'nosti definitivnogo teksta poemu M.Yu. Lermontova “Demon” (1839) [On the semantic integrity of the definitive text of the poem by M.Yu. Lermontov “The Demon” (1839)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 17(4). pp. 91–106.

34. Staël, G. (2017) *Desyat' let v izgnanii* [Ten years in exile]. Translated from French. St. Petersburg: Sergey Khodov.

35. Koshelev, V.A. (2016) Gimn “na prognanie”, ili “Apokalipsis prelozhit” (o poetike pozdnego G.R. Derzhavina) [A hymn “to drive away”, or “To lay down the Apocalypse” (about the poetics of the late G.R. Derzhavin)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 14. pp. 89–106.

36. Kiseleva, I.A. (2017) *Tvorchestvo M.Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema* [M.Yu. Lermontov works as a religious and philosophical system]. 2nd ed. Moscow: Moscow State Regional University.

37. Gregory the Theologian. (1912) *Tvoreniya izhe vo svyatykh” ottsa nashego Grigoriya Bogoslova, Arkhiepiskopa Konstantinopol'skago* [Works of our holy father Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople]. Vol. 1. St. Petersburg: P.P. Soykin. pp. 544–575.

38. Augustine (Vinogradsky). (1856) *Sochineniya Avgustina, arkhiepiskopa Moskovskogo i Kolomenskogo* [Works of Augustine, Archbishop of Moscow and Kolomna]. St. Petersburg: Korablev i Siryakov.

39. Yakovlev, M.V. (2021) *Apokalipticheskoe napravlenie v russkoy poezii pervoy poloviny XX veka* [The apocalyptic Russian poetry of the first half of the twentieth century]. Orekhovo-Zuevo: State University of Humanities and Technology.

40. Kiseleva, I.A. (2020) “Prorok” (1826) A.S. Pushkina i “Prorok” (1841) M.Yu. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa [“The Prophet” (1826) by A.S. Pushkin and “The Prophet” (1841) by M.Yu. Lermontov: comparative semantics of the motive complex]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 18(1). pp. 111–129.

41. Müller, M. (1888) *Das Denken im Lichte der Sprache*. Leipzig: [s.n.].

Информация об авторе:

Поташова К.А. – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения» (Москва, Россия). E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Potashova, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 16.10.2023

The article was submitted 27.04.2022;
approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 16.10.2023